

СНЕЖИНКА

АРИЭЛЬ ГОРОДЕЦКИЙ

Родился в Москве. Окончил Институт современного искусства. Работал журналистом в «Вечерней Москве», в гастрономическом журнале LavkaLavka и в других изданиях.

Кирюха возвращался с работы домой и дул к метро. Он получил зарплату плюс неожиданные премиальные. Завтра наступал зимний отпуск. Послезавтра Новый год, а потом еще десять дней чего угодно. С неба валил густой снег, и, встреченный ветром, по спирали он радостно вальсировал на все вокруг. Упитанный лысый мужик с пакетом макдака перебежал дорогу, хоча и на ходу отвечая кому-то по телефону: «В Таила-а-анд...» Дальше Кирюха не услышал из-за газанувшего на повороте придавленного старостью «жигуля». В снегу и в холоде Таиланд был таким удивительным, что даже и услышать такое вот – в «Таила-а-анд...» – было чем-то странным, как будто в оливье добавили, скажем, дыню... Таиланд. И Кирюха представил, как завтра этот самый мужик полетит в Таиланд. И какая-то детская струна вдруг дернулась в нем, и Кирюха услышал объемный звук волн, почувствовал внезапный озноб жары и приторный запах раскаленного всего. Чувствовать это было невыносимо, и Кирюха, пообещав себе съездить на море в следующем году, безжалостно выбросил ни в чем не повинный Таиланд из головы за борт в расползавшееся под ногами в стороны слякотное желе. Мимо пронесся парень в наушниках с сумкой «Адидас» на плече. Он нечаянно пихнул Кирюху локтем и не обернулся. Не

то чтобы какая авария, но Кирюхе захотелось ему что-то крикнуть, правда, тот уже убежал вперед. Да и что тут крикнешь – он же в наушниках...

Кирюха повернул налево и возле обосновавшейся на углу табачки услышал обрывок разговора: «Моби Дик? Не читал, кстати, но слышал». Кирюха тоже не читал, но тоже слышал. «Может, купить?» – подумал Кирюха. Правда, он не знал, где ближайший книжный, а искать было в падлу, ехать же куда-то специально ему не хотелось тем более. Можно было читать в телефоне, но в телефоне не было магии. «Вот что тут сделаешь? Как тут быть?» И вроде хочется и не хочется. И ведь хочется одного, а не хочется совершенно другого. Глупость, конечно, а все равно неприятно до жути. И снежинки прямо в глаза херачат. И вновь возник парень с сумкой «Адидас». Как и он, скорее всего, в метро бежит, да только тут торопись не торопись, а все равно уткнешься в толчею и будешь топтаться след в след чьей-нибудь спине. Вот и у Кирюхи тоже прямо по курсу мерно плыла пара пожилых моржей. Правая моржиха о чем-то жаловалась моржу слева, а тот глухо угукал в ответ и время от времени противно покашливал. И Таиланд маячил на горизонте, вроде и выбросил его Кирюха,

а все равно где-то он рядом и лысый мужик, уже, правда, без макдак-пакета, но зато голый, и почему-то на тарзанке кричал оттуда свое «В Таила-а-анд». Тут Кирюха увидел, как «Аидас», уже далеко впереди, повалился на землю, видимо, поскользнувшись, и одновременно с этим он подумал, что, может быть, тот лысый мужик совсем даже «в Таила-а-анд» не летит, а летит, может быть, какой-нибудь его друган, и он другому своему другану это сообщает. И Кирюха повеселел, хотя и сам толком не мог понять, от чего ему так весело: от того ли, что «Аидас» навернулся, или от того, что мужик никуда не летит и Таиланд уже не так грустно близко. И даже снежинки, до того безмозглые и надоедливые, теперь из-за на время стихшего ветра затаили медляк и стали красивыми.

Моржи причалили к пристани перекрестка, и левый противно покашливающий морж, нервно топчась из стороны в сторону, кашлянул особенно надрывно и противно и заревел: «Ну вот как раз красный – теперь ждать целую вечность». Светофор и правда был долгим – минуты две с небольшим. Левый морж по-своему, по-левому или по-моржиному, был прав, ведь порой и минута может показаться невыносимой вечностью, что уж говорить о двух минутах! Но Кирюха был даже немного рад этой небольшой вдруг разлившейся перед ним вечности. Он задрал голову. Вокруг в просветах нависших над проезжей дорогой фонарей на фоне уже почти окоченевшего дня летели скелеты снежинок. И каждая из них летела как будто по давно задуманной траектории, мотаясь влево или вправо, иногда поддаваясь чуть-чуть вверх, но неуклонно ниспадая вниз. Это было странно. Где-то тут машины, а вокруг снежинки. И он подумал, что и он тоже вроде снежинки – как будто тут и не тут. Ведь невозможно себе представить, подумал вдруг Кирюха, что вот эта, или вот та, или, скорее, вот эта жирная снежинка, слепленная с другой такой же, кружившие вниз, словно рука в руку, как Измаил и Квикег, через мгновение сгинут в водянистых отпечатках ботинок и шин. И он тоже не совсем здесь, или, во всяком случае, не весь здесь. Где-то он, может быть, в Таиланде, где-то читает, может быть, Мелвилла, а может быть, даже и там где-то, где его вообще вроде как не может быть, и каждое из этих «может быть» проявлений его, Кирюхи, жизни похоже

на снежинку, что безмолвно, красиво и глупо летит сейчас вниз. Опомнившись от внезапного прихода, он будто в последний раз раскрыл рот и попытался ухватить устремившееся на него белое «может быть». «Если поймаю, то...» – подумал Кирюха, но не успел подумать что. Поймать у него тоже не получилось. Тут как раз загорелся зеленый, и, обогнав моржей, по пути встретившись взглядом с улыбнувшейся ему девушкой, он устремился вперед в поворот метро.

